

Русский марксизм

Георгий Валентинович Плеханов

Владимир Ильич Ульянов (Ленин)

В. И. Ульянов (Ленин)

Г. В. Плеханов

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ
первой половины XX века

Дану Механд
or Сефен

издательский

20.11.2019г.

Институт философии РАН

Некоммерческий научный фонд
«Институт развития им. Г. П. Щедровицкого»

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ
первой половины XX века

Русский марксизм

Георгий Валентинович
Плеханов
Владимир Ильич
Ульянов (Ленин)

Под редакцией
А. В. Бузгалина, Б. И. Пружинина

РОССПЭН

Москва
2013

В. И. Пружинин

№ 239 А

УДК 14(082.1)

ББК 87.3(2)6

Р89

*Издание стало возможным благодаря
финансовой поддержке Фонда Олега Дерипаска
«Вольное Дело»*

*Точка зрения авторов издания может не совпадать
с точкой зрения фонда*

Р89 **Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов,
Владимир Ильич Ульянов (Ленин)** / под ред. А. В. Бузгалина,
Б. И. Пружинина. — М. : Российская политическая энцикло-
педия (РОССПЭН), 2013. — 591 с. : ил. — (Философия Рос-
сии первой половины XX века).

ISBN 978-5-8243-1792-3

Марксизм — одно из первых неклассических философских учений. Он присутствует в мировой культуре не в качестве музейного экспоната, но как интеллектуальное направление, выявляющее актуальные аспекты в жизни современного общества. Поэтому особенно важным представляется рассмотрение русской версии марксизма в контексте европейской и русской философской культуры. Такого рода попытки предприняты авторами данного тома. Свою цель они видели в том, чтобы раскрыть с разных позиций философские идеи наиболее ярких представителей русского марксизма Г. В. Плеханова и В. И. Ульянова (Ленина) в контексте современных проблем гуманитарного знания.

УДК 14(082.1)

ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-8243-1792-3

- © Пружинин Б. И., общая редакция серии, 2013
- © Бузгалин А. В., Пружинин Б. И., составление и общая редакция тома, 2013
- © Коллектив авторов, 2013
- © Институт философии РАН, 2013
- © Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2013
- © Российская политическая энциклопедия, 2013

Содержание

От редакторов. 5

ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПЛЕХАНОВ

Емельянов Б. В.

Г. В. Плеханов — философ-марксист 13

1. Гносеологические идеи Плеханова

Стейла Д.

Теория познания Г. В. Плеханова и ее философские истоки 23

Гусаковский М. А.

К проблеме человека в философии Г. В. Плеханова 49

Филлимонова Т. И.

Некоторые аспекты плехановской концепции исторического развития как идеи о становлении человека 72

2. Философия истории и философия политики

Сиземская И. Н.

Исторический монизм Плеханова 99

Водолазов Г. Г.

Уроки Плеханова: метод, теория, революционное действие 108

Бузгалин А. В.

Георгий Плеханов: к проблеме реактуализации и самокритики классического марксизма 126

Бэрон С. Х.

Плеханов, утопизм и российская революция 163

3. Философия культуры Плеханова

Тхакушинов А. К.

Гуманизм литературы и социология культуры: от Плеханова к Веберу 186

Давыденко М. В.

Проблема критериев художественности в философско-эстетической концепции Г. В. Плеханова 196

Булавка Л. А.

«Новый человек»: проблема субъектности на изломах истории 208

4. Материалы к Хронике жизни Г. В. Плеханова

Тютюкин С. В.

Политическая драма Г. В. Плеханова 218

Хроника основных событий жизни и творчества

Г. В. Плеханова 235

5. Материалы к библиографии Г. В. Плеханова

Сакамото Х.

Философское наследие Плеханова в Японии (Обзор переводов и исследований) 238

Библиография Г. В. Плеханова 251

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)

Бузгалин А. В.

В. И. Ульянов: Философия, опредмеченная в историческом процессе 256

1. Споры вокруг «Материализма и эмпириокритицизма»

Бажанов В. А.

Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и развитие теории познания и философии науки в XX в. 291

Науменко Л. К.

Диалектика как логика: пролог к гуманистическому материализму 303

Ань Цинянь

Ленинское определение материи и анализ выражения «показания органов чувств» 327

Никифоров А. Л.

«Вечная» проблема философии 340

2. В. И. Ленин и современные проблемы философии культуры

Межуев В. М.

Ленинская теория культурной революции как модернизационный проект для России 344

Булавка Л. А.

Философия социального творчества: Ленин и XXI в. 362

3. В. И. Ленин: философия социально-политической практики*Жижек Сл.*

Размышления о Ленине 405

*Андерсон К.*Открывая Ленина заново: к диалектике философии
и мировой политики 415*Славин Б. Ф.*

Ленин: философия создания социализма в России 432

Пантин И. К.

В. И. Ленин: философия политического действия 478

*Шевченко В. Н.*В. И. Ленин: исторический тупик Российской империи
и будущее России 500*Кувелакис С.*Ленинское прочтение Гегеля: гипотезы для изучения
«Философских тетрадей» 537*Матсас С.-М.*

Ленин и путь диалектики 552

Хроника основных событий жизни и творчества

В. И. Ульянова (Ленина) 566

Библиография В. И. Ульянова (Ленина) 571

Именной указатель 576

Сведения об авторах 585

Г. Г. Водолазов

Уроки Плеханова: метод, теория, революционное действие*

Ультралевые свержающие революционеры всех времен и народов преклонялись и преклоняются перед так называемым прямым революционным действием; к науке, теории они относились и относятся с нескрываемым презрением и враждебностью (слово «методология» вообще является мишенью для упражнений в остро словии леваков). «Кто учится революционному делу по книгам, будет всегда революционным бездельником»; «не хлопчите в настоящий момент о науке»; «мы должны народ не учить, а бунтовать» — так писали ультрареволюционные бакунисты более ста лет тому назад.

Подобных восклицаний было немало и у идеологов «новых левых», еще недавно занимавших значительное место на авансцене политической жизни ряда западноевропейских стран. Так, Режи Дебре категорически высказывался против того, чтобы овладевать настоящим, опираясь на предвзятые идеологические концепции и переживая это настоящее через книги. Теория, рожденная опытом предшествующих поколе-

* Публикуется в сокращ. по изданию: Проблемы мирового революционного процесса. Вып. 3-й. М., 1983. С. 157—197.

ний революционеров, рассматривалась «новыми левыми» как «догма», как груз «прошлого», от которого должно быть «освобождено настоящее». «Освободить настоящее от прошлого», освободить спонтанное революционное действие от тормозов теоретических размышлений, освободить политику от теории — на все лады восклицали «новые левые» и — освободили свою политику от принципиальности, логичности, последовательности. В результате система стойких революционных сражений была заменена отдельными, разрозненными вспышками бунтарских действий, перескоком от одной частной политической ситуации к другой; во Франции, например, гошисты хватались за решение то одних, то других «горячих» вопросов, которые подчас сознательно и хитроумно, дабы отвлечь от действительных проблем, подсовывались консервативными силами.

Такая «актуализация» политической деятельности, связанная с «блужданием» по горячим (а чаще псевдогорячим) точкам социальных противоречий, не умеющая связать отдельные «горячие» проблемы с общей системой проблем своей страны и мира в целом, с общей логикой всемирно-исторического развития (которая, кстати, и отражена в великих произведениях революционных теоретиков прошлого, в тех «книгах» и «цитатах», о которых с таким пренебрежением писали гошисты), — такая «актуализация» приводит к потере движением своих сторонников, союзников, к утрате политического веса и влияния.

Вот почему чрезвычайный интерес представляет теоретическая деятельность Г. В. Плеханова. Опыт его теоретической деятельности поучителен в разных отношениях: поучительны как достижения плехановской мысли (представляющие собой самостоятельный вклад в сокровищницу политико-философского знания), так и ее провалы — тоже по-своему исторические маяки, сигнализирующие об опасностях, встречающихся на путях движения по морю конкретного политического анализа.

В этой связи уместно вспомнить любопытный, внешне парадоксальный, но, при вдумчивом рассмотрении, весьма эвристический подход к оценке теоретического наследия Плеханова, сформулированный Лениным: «...*Нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом (разумеется — в прежнем, еще не запятнанном сталинистами смысле этого слова. — Г. В.) без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма». И — рядом — другое его высказывание: «...способ рассуждения, нередко встречаю-

щийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе — т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом»^{*} (снова напомним современному, не искушенному в теоретических тонкостях читателю, что речь идет о «диалектическом материализме», как он сформулирован в трудах марксистских классиков или в работах их последователей вроде Ильенкова и Лифшица, а не о той его вульгарной версии, начало которой было положено сталинским «Кратким курсом» и следовать которой было обязанностью официальной советской философии).

Итак, с одной стороны, без изучения работ Плеханова нельзя стать «настоящим» марксистом-коммунистом, а с другой — плехановский способ рассуждения есть «опошление марксизма» и «насмешка над диалектическим материализмом». Что это значит? Как такое возможно? Ответить на этот вопрос, на мой взгляд, и означает понять Плеханова и его историческое значение.

<...>

Философия и социализм

Глубоко осознанное органическое единство, тождественность диалектики и материалистического понимания истории позволили Плеханову обосновать одно важное положение, которое, к слову сказать, активно оспаривалось (и, увы, иногда и сегодня оспаривается) иными «марксистами».

В письме Плеханову от 6 февраля 1901 г. К. Каутский написал «историческую» фразу: «...я думаю, что можно быть в некотором смысле неокантианцем и признавать историческую и экономическую доктрину марксизма». О том, что это не случайно оброненная фраза, свидетельствуют и многие другие высказывания Каутского, например такое: «Я понимаю под марксизмом не философию, а эмпирическую науку, особое понимание общества». Другой теоретик II Интернационала —

^{*} Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 290; Т. 3. С. 14.

В. Адлер тоже «допускает возможность замены материалистической основы» научного социализма кантовской.

Такой ход мыслей отнюдь не стал далекой историей. И сегодня в «левых» кругах нередко утверждения о независимости социалистической стратегии и политической борьбы «левых» партий от той или другой философской основы и о том, что поэтому-де политическая программа борьбы такой партии может быть вполне сочетаема с философией какого-нибудь позитивизма, идеализма или даже католицизма. Плеханов же считал, что не может, что «все стороны мирозерцания Маркса самым тесным образом связаны между собой... вследствие этого нельзя по произволу удалить одну из них и заменить ее совокупностью взглядов, не менее произвольно вырванных из совершенно другого мирозерцания»*. Он это доказывал и демонстрировал постоянно — и в общетеоретической форме, и на весьма впечатляющих конкретных примерах.

А. Богданов, к примеру, желал быть последовательным революционным борцом за дело трудящихся, сторонником Марксовой теории социалистической революции; он воевал с реформистами и в эпоху первой русской революции входил в большевистский ЦК. Но Богданову, удрученному поражением революции и не понявшему действительных причин этого поражения, показалось, что наилучшей основой марксистской теории революции и социалистической революционной деятельности может быть не диалектический материализм, а одна из разновидностей позитивизма — махизм; Богданову показалось, что диалектический материализм с его признанием объективной истины и объективной законосообразности исторического процесса есть одна из форм оправдания действительности, ведущая в конечном счете к оппортунизму и реформизму. Отрицающий же объективные законы махизм, с его точки зрения, раскрепощает революционера, открывает перед ним простор для «творческой», «решительной», не сдерживаемой никакими рамками преобразовательной деятельности.

Убийственным сарказмом встретил эту богдановскую риторику Плеханов. Он указал, что «бурная революционность», опирающаяся на субъективистскую философию Маха и вследствие этого не умеющая соотносываться с объективной логи-

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. III. М., 1957. С. 198.

кой исторического развития, с объективными интересами и возможностями масс, есть не социалистическая революционность.

Подлинно социалистическая революционная деятельность — это самодеятельность народных масс, богдановско-махистская же «революция» — это деятельность «социальных организаторов», этих «сверхчеловеков», стоящих над бессловесными и послушными стадами народных масс и милостиво повелевающих ими. Вот почему Плеханов имел полное право заявить: «Оружие, выкованное Вами, г. Богданов, совсем не годится для передовых людей: оно обеспечивает им не победу, а поражение»^{*}.

Столь же печальный результат, как показал Плеханов, дала и попытка так называемых богостроителей «усовершенствовать» марксизм путем замены материализма своеобразной разновидностью религии. Она устраняла традиционного бога и в то же время стремилась учитывать религиозные традиции масс, организующую роль веры. «...Бог есть человечество в высшей потенции», — восторженно писали богостроители. На «человечество», на этого нового бога должен молиться, должен работать каждый человек. Конечно, субъективно «богостроители» хотели хорошего, хотели ускорить процесс движения общества к социализму. Но Плеханов выявил объективный смысл такой замены материализма «религией». Холодной и бестрепетной рукой он стер всю позолоту концепции «богостроительства», разорвал всю ее многоцветную словесную упаковку и обнажил ее весьма неприглядную суть: обожествленное «человечество» оторвано от «я», от отдельного человека, индивида; в этой концепции отдельный человек остается беспомощным, зависимым существом, обязанным служить новому идолу — некоему абстрактному «человечеству» (которое, впрочем, не преминет предстать в образе каких-нибудь своих конкретных представителей, своих жрецов, этих новых заместителей «нового бога на грешной земле»). Приращение роли сознательного компонента народных движений, выдвижение на первый план моментов иррациональных — экзальтированности, веры, коллективной ритуальности — не могут вести ни к чему иному, как к «казарменному коммунизму», который есть всего лишь «вывернутая наизнанку буржуазность». И это, настаивает Плеханов,

^{*} Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. III. С. 300.

есть закономерный итог попыток сочетать социалистическую теорию К. Маркса с какой-либо иной, нематериалистической философией.

Струве и Бернштейн пытались проделать другую, нежели Богданов и его сторонники, противоположную операцию. Они начали с попытки сохранить фундаментальные положения материалистического понимания природы и общества, отбросив научный социализм, заменив марксистскую теорию революции теорией социальных реформ. А кончилось это, как показал Плеханов, тем, что Струве, много говоривший об объективности социальных законов и ведущей роли экономики, но не доводивший своей концепции до признания революционной исторической миссии угнетенного класса и необходимости в той или другой форме социалистической революции, низвел свой объективизм до исторического фатализма и примирения с буржуазно-монархической действительностью. Бернштейнцы, выдвинувшие стратегию социальных реформ *вместо* революции, эволюционировали от материализма к кантианству (к тому же в его самой примитивной и вульгарной версии). Их печально знаменитый лозунг «движение — все, цель — ничто», в котором абсолютизируется медленное, постепенное реформистское движение и отбрасывается — как нечто практически недостижимое — «цель», т. е. социализм, — этот лозунг есть по сути перевод на политический язык центральной кантовской идеи об ограниченности человеческого познания миром «явлений», миром «опыта» и невозможности выхода за пределы этого мира в недостижимый, недоступный и непознаваемый мир «вещей в себе».

Плеханов, таким образом, показал, что выбор той или иной позиции в классовой, социальной борьбе соответствующим образом детерминирует и выбор *философской* основы, и наоборот. Более того, Плеханов доказал не просто то, что подлинно социалистическая теория может вырасти только на основе материализма, на основе материалистического понимания истории (это более или менее очевидно), но и то, что само понимание истории становится действительно *материалистическим* только тогда, когда оно доводится до идеи социализма. Только тогда.

Иначе говоря, теория социалистических преобразований — это не просто один из «этажей» марксизма, а замыкающее всю цепь звено, которое и превращает понимание истории в действительно материалистическое понимание, а через него диалектику — в материалистическую диалектику.

Материалистическая диалектика, материалистическое понимание истории, теория социализма — не стоящие «рядом» особые науки, а пропитывающие друг друга, взаимопроницающие моменты, неразделимые части *одной-единой* науки, имя которой — марксизм. Не случайно для классиков марксизма и Плеханова равноценными наименованиями марксистской науки в целом, полноправными синонимами были: «диалектический материализм», «материалистическое понимание истории», «научный социализм» (снова просим не отождествлять «научный социализм» Маркса со сталинистской версией «научного коммунизма», заполнявшего всю учебную литературу по обществоведению во время она и служившего делу оболванивания, «манкуртизации» общества). Вот итоговая плехановская формула: «Марксизм — это целое миросозерцание... Каждая сторона этого миросозерцания самым тесным образом связана со всеми остальными, и каждая освещает собою все остальные, помогает их пониманию. Нельзя вырвать какую-нибудь одну из них и ограничиться ее признанием, устраняя остальные или игнорируя их. Это значит изуродовать марксизм, изгнать из него душу, превратить эту живую теорию в мумию мысли и, не довольствуясь даже этим, сосредоточить все свое внимание лишь на том или другом органе этой мумии. В этом величие марксизма и в этом же причина того, что его так ошибочно понимают многие из тех, которые искренно стремятся к его пониманию»*. И когда сегодня сталкиваешься с попытками людей, «искренно стремящихся быть марксистами», отделить революционную стратегию борьбы от философии марксизма, то невольно вспоминаешь верные и точные слова Плеханова: если социалистические идеологи «показывают часто полное непонимание ими философии Маркса, то от этого она теряет очень мало, а они очень много; их взгляды лишаются всякой стройности и вступают в уродливые сочетания со взглядами, выработанными идеологами *современной буржуазии*»**.

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. III. С. 198.

** Там же. С. 199.

«Подменять конкретное абстрактным —
один из самых опасных грехов»

Мы уже приводили высказывание о том, что «способ рассуждения» Плеханова есть «опошление марксизма, сплошная насмешка над диалектическим материализмом». Подобная характеристика выглядит абсолютно несовместимой со всем тем, о чем мы только что писали. Так резко и так категорично — «опошление», «насмешка». Нет ли в этих словах некоторого полемического преувеличения, объясняющегося остротой какого-то конкретного спора? Нет! К сожалению, нет. К сожалению, все именно так и обстоит. И незачем прибегать к каким-то приглаженным формулировкам там, где речь идет о принципиальных вещах.

Как же все-таки совмещаются те «несовместимые» высказывания? Какие ошибки допускал Плеханов и в чем корни этих ошибок?

Здесь, как и при объяснении исторических заслуг Плеханова, следует остерегаться легких, лежащих на поверхности и кажущихся очевидными ответов, таких как: Плеханов не разглядел специфики России (был-де долго оторван от родины) и потому неправильно определял перспективы русского революционного движения; Плеханов-де не был практиком и терялся в тактических вопросах, а это, как правило, и приводило его в лагерь меньшевиков и т. д. и т. п.

И снова, как и в первом случае, — при рассмотрении заслуг Плеханова мы должны сказать, что эти утверждения сами по себе, в общем, верны, но они фиксируют внимание на ошибочности *отдельных конкретных оценок*, дававшихся Плехановым, но не отвечают на вопрос, в чем погрешности его «способа рассуждений», т. е. его *метода*. Следует же обращать внимание как раз на последнее, ибо конкретные политические и тактические ошибки Плеханова во многом связаны с недостатками именно его *методологии*.

В чем же состоят эти недостатки, эти погрешности? Отвечая на этот вопрос, мы остановимся лишь на двух, но, думается, самых главных моментах.

Первый связан с самим пониманием значения метода как инструмента познания, роли метода в процессе познания, *соотношения метода и конкретных данных*. Как этот вопрос ставил Плеханов? Разработанная Марксом и Энгельсом «со-

временная социалистическая теория, — писал он, — это алгебра революции, могущая дать нам только алгебраические формулы»; эта общая теория применяется как метод при исследовании социальных условий конкретных стран и регионов. Как же применять «алгебраические формулы» этой общей теории? Вот как: «...чтобы руководиться этими формулами на практике, мы должны уметь заменять в них алгебраические знаки определенными арифметическими величинами, а для этого необходимо принять в соображение все частные условия каждого частного случая. Только при таком пользовании этими формулами они сохраняют свой живой диалектический характер и не превратятся в мертвые метафизические догмы...»*

Итак, в верную алгебраическую формулу ставить арифметические значения, арифметическую конкретику данной страны. Отметим прежде всего, что Плеханов вовсе не за то, чтобы поклоняться только общим формулам, игнорируя специфику страны (как то ему приписывают некоторые исследователи); эти обвинения начались еще в 80—90-х гг. XIX в., когда народники стремились доказать, что марксисты и их лидер Плеханов предсказывают капиталистическую перспективу развития России, исходя не из ее конкретных условий, а из общей социологической схемы марксизма, согласно которой будто бы все страны неизбежно должны пройти этап капиталистического развития. И еще тогда в статье «Наши разногласия» Плеханов показал, что дело вовсе не в общих схемах. В алгебраическую формулу марксизма о том, что производительные силы обуславливают производственные отношения, а их противоречие определяет направление развития общества, тип и формы происходящей в нем социальной борьбы, Плеханов подставил арифметические величины российской конкретики. Он с цифрами и фактами в руках доказал наличие и развитие крупного машинного производства в России, выявил роль всероссийского рынка, тип сложившихся и складывающихся классов и из этого, а вовсе не из общей формулы как таковой сделал вывод: Россия вступает на путь капитализма и революционное движение в России победит как рабочее движение или не победит вовсе. И это были в значительной степени верные выводы.

* Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. III. С. 95—96.

Погрешности плехановского метода состоят в другом и требуют для своего выявления несравненно более тонкого анализа. Зримо они проявились в эпоху первой русской революции 1905—1907 гг. В эту эпоху Плеханов, как и прежде, применил свой метод подстановки арифметических значений русской конкретики в проверенную общую марксистскую формулу — метод, давший такие великолепные результаты в предшествующее десятилетие. Анализируя содержание и перспективы классовой борьбы в России в начале XX столетия, Плеханов в общую марксистскую формулу о содержании классовой борьбы в период буржуазной революции (а для всех марксистов было несомненно, что по уровню развития производительных сил Россия накануне буржуазной революции) подставил российские данные и получил ответ: российская либеральная буржуазия должна возглавить революционную борьбу и взять власть, рабочий же класс и все другие слои трудящихся (крестьянство в том числе) должны поддержать буржуазию против самодержавия, помещиков, остатков феодализма. В действительности же либеральная буржуазия отказывалась выступать против самодержавия, отказывалась от поддержки, предлагаемой революционными массами, в союзе с самодержавием старалась погасить революционное движение народа.

Здесь и обнаружилось изъяны плехановской методологии. Плеханов не учитывал, что переход от общей формулы к конкретной ситуации конкретной действительности — это переход не от алгебраических значений к арифметическим, а *от абстрактного к конкретному*, которое всегда несравненно шире, несравненно богаче абстрактной формулы, не подводится легко и просто под нее, не вмещается в нее. Плеханов упускал из виду, что применение общих алгебраических формул к стремительно развивающейся действительности, что подставление в них арифметической конкретики — это процесс, в котором не только познается конкретное, но *одновременно и изменяется, усложняется, уточняется сама исходная алгебраическая формула*: каждый шаг в познании действительности с помощью этой формулы есть одновременно и шаг в направлении изменения, уточнения исходной общей формулы. Он упускал из виду, что в едином акте, в едином процессе познания, с одной стороны, формула служит средством познания действительности, а с другой стороны и в то же самое время, действительность есть средство развития и уточнения исходных формул.

В отличие от релятивистов, диалектики с доверием относятся к открытым наукой и проверенным на практике законам, берут их за основу своего познания и действия. Но в отличие от догматика диалектик берет их, как любили говорить древние, «со щепоткой соли», т. е. не как абсолютный, ненарушимый канон, а как руководящий принцип при исследовании*, который может уточняться в самом ходе этого исследования.

В связи с этим возникает другой вопрос: в чем же познавательная, эвристическая сила исходных законов (алгебраических формул), если нельзя заранее с уверенностью сказать, что данная система изучаемых конкретных фактов относится к области применения этих законов; ведь может получиться так, что применяемый закон к данной системе фактов не имеет никакого отношения. Но в том-то и состоят вся трудность и весь смысл процесса познания, что, *только применяя данный абстрактный закон, можно определить, выходит ли та или другая система за рамки его применения*, и тем самым одновременно получить возможность найти модифицирующий фактор (если он есть) и, изучив его, уточнить (усложнить или упростить) сам закон, саму исходную формулу, т. е. развить сам метод. *Другого способа познания действительности и — одновременно — развития метода познания не существует.*

Этот принцип «саморазвития» метода в процессе его «применения» не был освоен Плехановым. Его способ анализа и способ рассуждения не были ориентированы на развитие исходных принципов, на анализ того важного звена, того важного мостика, «шестуя» по которому, общие принципы преобразуются (довольно сложным и противоречивым образом) в конкретные решения. Плехановской методологии познания явно недоставало диалектичности. Реальная действительность нередко выступала у Плеханова как сумма примеров, наглядных иллюстраций общих формул. Он держал жесткий курс только на *непосредственное подведение конкретного под абстрактное*. И там, где это конкретное, по счастливой случайности, в общем и целом отвечало диапазону действия

* «Все миропонимание Маркса — это не доктрина, а метод, — подчеркивал Энгельс. — Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 352).

абстрактной формулы (в 80—90-х гг. XIX в.), конкретные ответы Плеханова оказывались верными и точными. Когда же действительность частично вышла за рамки этого диапазона (к началу XX столетия), плехановские ответы стали все больше отличаться от истины.

«Арифметика» русской действительности начала XX столетия, подставленная в традиционную алгебраическую формулу содержания классовой борьбы в буржуазной революции, сложившуюся на материале исторического опыта Западной Европы, разрушала эту традиционную формулу, ибо практика показывала, что русская буржуазия в отличие от западноевропейской буржуазии прошлого не хотела глубоких социально-политических преобразований. Вместо того чтобы оценить значение этого момента, Плеханов, веривший в абсолютную силу традиционной алгебраической формулы, стремился убедить прогрессивную общественность, что нереволюционность русской буржуазии — явление временное, случайное, зависит не от объективных, а от субъективных моментов, что это пройдет; только не надо-де социал-демократам «пугать» буржуазию своей революционностью, что рабочий класс, не претендуя на ведущую роль, должен помочь ей взять власть, что надо повлиять на ее идеологов — Милюкова, Струве — объяснить им, что есть такой закон буржуазной революции и что надо этому закону следовать, иначе будет хуже всем, в том числе и самой буржуазии. На решение этих задач Плеханов направлял свою деятельность.

Оппонировавшие же ему социал-демократы, с самого начала ориентированные на возможность *усложнения исходной формулы*, обратили исключительно пристальное внимание на причины своеобразного политического поведения русской либеральной буржуазии. В результате тщательного анализа они установили, что нереволюционность (и даже контрреволюционность) буржуазии для стран типа России в начале XX столетия явление не случайное, а закономерное. Они установили и изучили факторы, обусловившие это, в частности такой фактор, как *всемирность исторического процесса* — когда плоды развития, и материальные, и духовные, исторический опыт и политические уроки одних стран становятся достоянием других.

Перед буржуазией и пролетариатом России был опыт развития Западной Европы после английской и французской буржуазных революций. Фундаментальная общность буржуазии и

трудящихся (в том числе пролетариата), обусловившая прочное социально-политическое единство в эпоху Французской буржуазной революции в конце XVIII в., была невозможна в начале XX в.: западноевропейский опыт с полной определенностью показал буржуазии, что ее самый главный и самый опасный враг — рабочий класс и потому для успешной борьбы с ним необходимо использовать менее опасную для буржуазии — самодержавно-помещичью — силу; пусть буржуазное развитие будет несколько замедленным (в этой самодержавно-крепостнической скорлупе), но зато менее опасным для буржуазии. Кроме того, начавшаяся империалистическая эпоха с ее гигантским укрупнением производства остро поставила вопрос о расширении внешних рынков, о захвате новых земель. В этих условиях русская буржуазия нуждалась в сложившемся военно-репрессивном аппарате самодержавия (формировалась оригинальная социальная форма, которую социал-демократы называли военно-феодальным империализмом). Революционная перестройка не усилила бы, а ослабила империалистическую и либеральную буржуазию, заставив ее, экономически и политически довольно слабую, вести в одиночку борьбу сразу на трех фронтах — против уже достаточно сильного рабочего класса, против самодержавно-помещичьих сил и против иностранных буржуазных конкурентов.

На этом переходе от абстрактного (от алгебраической формулы) к конкретному в условиях, когда назревавшая в России революция не могла выйти за рамки буржуазных преобразований, а буржуазия выступала против этой буржуазной революции, возникла новая задача. Какие же социальные силы и в каких формах смогут выполнить объективное социально-экономическое требование антифеодальных, буржуазных преобразований? Таким образом, конкретная ситуация выступала как новая задача, требующая самостоятельного решения. «...Всякая новая задача... — подчеркивали революционные социал-демократы, — требует от людей не простого повторения заученных лозунгов... а некоторой инициативы, гибкости ума, изобретательности, самостоятельной работы над оригинальной исторической задачей»*. Это нечто совсем иное, нежели плехановский метод подстановки арифметических цифр на место алгебраических букв.

Решая эту задачу, оппоненты Плеханова одновременно вносят в исходную формулу новый алгебраический знак — как бы попра-

* Ленин В. И. ПСС. Т. 19. С. 82.

вочный коэффициент на ту или иную мировую историческую эпоху. В эпоху становления капитализма «работает» исходная, традиционная формула. Для понимания буржуазных революций в эпоху империализма традиционная формула модифицируется в формулу буржуазно-демократической революции, в которой основными движущими силами выступают рабочий класс и крестьянство, которые после победы устанавливают революционно-демократическую диктатуру — с целью обеспечения ее перерастания в социалистическое общественное устройство. Эта новая, «усложненная» и уточненная формула будет служить исходным методологическим ключом для решения конкретных задач социального развития отдельных стран в эпоху империализма. Такой подход дает ключ к пониманию этой методологии теоретического и революционного творчества. Плехановский же способ рассуждения, плехановская методология соотнесения общих формул с конкретной действительностью есть замораживание марксизма, его одеревенение, т. е., иначе говоря, его «опошление».

Другая существенная погрешность плехановского метода связана с решением вопроса о роли сознания, субъективного фактора в историческом процессе. И здесь при характеристике позиции Плеханова нужен очень тонкий и очень точный анализ, иначе невозможно зафиксировать действительные слабости Плеханова. Мы считаем необходимым подчеркнуть это в связи с довольно распространенным представлением, будто Плеханов «фетишизировал» роль производительных сил и экономического фактора, что он будто бы мало внимания уделял процессу обратного воздействия сознания на общественное бытие, не сумел-де с должной глубиной оценить идеи Ф. Энгельса относительно того, что общественное сознание способно ускорить или замедлить процесс социального развития, а также мысль К. Маркса о том, что человек хотя и не властен отменить законы истории, но способен смягчить муки рождения нового.

Все это не так: и названные идеи Ф. Энгельса, и мысль К. Маркса, и принцип «обратного воздействия» сознания на бытие Плеханов прекрасно знал, неоднократно на них ссылаясь и последовательно применял в своих конкретных исследованиях. Различия плехановского и подлинно марксистского методов гораздо тоньше, и возникают они на гораздо более высоких и содержательных этажах теории. Признание обратного воздействия сознания на бытие — это, конечно, необходимо, но еще недостаточно для того, чтобы в вопросе об отношении общественного сознания и общественного бытия быть вполне марксистом.

Плеханов не смог освоить все богатство и глубину высказанной еще в «Нищете философии» марксовой идеи о том, что надо рассматривать «людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы», «их собственной истории». Одновременно как актеров и как авторов! Плеханов это понимал так: человек является действующим лицом (актером) исторической драмы, потому что его деятельность определена сюжетом, решающие линии и главные коллизии которого обусловлены уровнем развития производительных сил, характером производственных отношений и т. д., и из этой общей, достаточно жесткой логики написанного не им сюжета человек выпрыгнуть не может; а автором он является в том смысле, что именно человек, и никто другой, все делает в истории и к тому же — хотя он и делает это под давлением внешних обстоятельств — влияет на формы, темп изменений. В таком понимании роль человека в качестве действующего лица (актера) выявляется хорошо, а вот «авторства» не получается. Что же это за «автор», в задачу которого входит лишь более точное и глубокое осознание требований экономического базиса; это не авторство, а просто лучшее или худшее исполнение по нотам, которые пишутся кем-то другим (не считаем же мы автором «Лунной сонаты» Э. Гилельса только потому, что он ее исполняет лучше многих).

К. Маркс понимал роль сознания и субъективного фактора и, следовательно, само «авторство» людей в истории несравненно глубже. Да, конечно, Плеханов тоже отводил решающее значение уровню производительных сил, характеру производственных отношений, уровню культурности народа, что и определяет возможное на данный исторический момент направление социального развития. Но Маркс представлял себе это направление не как линию, а скорее, если прибегнуть к образному сравнению, как веер лучей, расходящихся из данной исторической точки. Разумеется, набор этих «лучей», этих исторических возможностей, исторических альтернатив социального развития ограничен, обусловлен уровнем развития производительных сил и т. д.; так, нельзя при всем желании из рабовладения перепрыгнуть в социализм, из феодализма в современное индустриальное общество и т. п. Но если общие рамки деятельности человеку предписаны прежним уровнем социального развития (и потому он — действующее лицо, актер), то выбор внутри этих рамок одной из возможных исторических альтернатив не предопределен заранее, он решается борьбой социальных сил, а в ней громадную роль играют сознательность, сплоченность, ор-

ганизованность борющихся классов, глубина и гибкость стратегии политических партий, мужество и решимость вождей, их умение глубоко и точно формулировать социальные противоречия, предлагать способы их разрешения, наиболее выгодные для народных масс, выдвигать «истинные лозунги борьбы». И это не просто борьба за более или менее быстрое осуществление заранее predetermined типа исторического развития (как полагал Плеханов), а борьба именно за *разные (отнюдь не predetermined заранее) типы развития в пределах общей исторической «рамки» движения.*

Революция 1905 г. особенно зримо выявила это различие плехановской и ленинской (последовательно марксистской) методологических позиций.

Плеханов говорил о необходимости революционной борьбой ускорить победу капитализма в России, призывал умелой тактикой смягчить муки рождения нового и т. д. Ленинская же постановка вопроса была иная. В России, в общих рамках капитализма, возможны разные типы капиталистического развития: крайнюю левую, наиболее прогрессивную историческую альтернативу Ленин назвал «американским путем развития»; крайнюю правую возможность Ленин характеризовал как «пруссский путь». Конечно, «американский путь» — тоже способ ускорения капиталистического развития, способ смягчения мук рождения нового (ибо он более выгоден для широких слоев народа). Но в категориях «ускорение» и «смягчение» не выражаются суть и специфика ленинской методологической и конкретно-исторической позиций, они не являются ключом к ее пониманию. «Американский» и «пруссский» пути — это не просто более быстрый и более медленный, а это пути, которые предполагают разные комбинации социально-классовых и политических сил, существенно различные типы экономической деятельности, разные формы политической организации общества, государства. И самое существенное с точки зрения рассматриваемого нами аспекта — победа той или другой возможности обуславливает принципиально различные веера новых альтернатив. Так, победа «американского пути развития» открывает принципиально новую перспективу — непрерывного развития революции вплоть до перехода к социализму.

Таким образом, «американский путь», победа которого возможна лишь при громадном влиянии субъективного фактора, открывает перспективы, которые невозможно увидеть с рубежей «пруссского пути развития». Вот этот осуществ-

вляемый субъективным фактором сдвиг всей оси социально-политической жизни страны далеко влево обусловит и веер новых альтернатив, совершенно невозможных в случае победы «прусского пути». И тогда снова, уже на новой основе, возникнет борьба за наиболее прогрессивный вариант. Мы боремся всеми силами всегда и непременно за максимум наших требований — вот ленинский методологический принцип.

Если провести такой мысленный, но отнюдь не фантастический эксперимент — представить себе два схожих общества, в одном из которых благодаря субъективному фактору постоянно побеждает крайняя левая альтернатива, а в другом — крайняя правая, то по прошествии некоторого исторического времени былая схожесть этих двух обществ исчезнет — так будут разительно отличаться они одно от другого.

Иначе говоря, из одной и той же исходной экономической основы в силу различного воздействия субъективного фактора вырастают так далеко друг от друга отстоящие общества.

Думается, так «авторство» человека может быть выявлено более наглядно.

Здесь особенно ясно видно, что формула об «авторстве» человека употребляется вовсе не в каком-то условном, переносном смысле, а в самом полном и точном значении этого слова.

И вместе с тем в этих ленинских установках нет ни грана от методологии исторического субъективизма и волюнтаризма, от методологии народнического или младогегельянского типа, в чем так часто пытался упрекать Ленина Плеханов.

Ленинская позиция одинаково далека как от объективизма, преклоняющегося перед «естественно-историческим» (что на языке объективизма означает — стихийным) развитием, так и от субъективистской наивности, стремящейся «по своему усмотрению» направлять ход исторического движения...

Итоги

И снова вернемся к тем двум цитатам, с которых мы начали разговор. Теперь мы можем ответить на поставленный в начале статьи вопрос: что это значит — без Плеханова нельзя стать сознательным марксистом vs способ рассуждения Плеханова есть опoшление марксизма?

Известно, что совершенно невозможно дать верное и глубокое решение частных конкретных вопросов «без предваритель-

ного решения общих». «Общее» есть «ступень к познанию», необходимая ступень.

Эти фундаментальные принципы марксистской теории, общие принципы изучения конкретной реальности разрабатывались Плехановым, и разрабатывались основательно, глубоко, тонко. Без овладения этим уровнем теории, без восхождения на эту, плехановскую, ступень теоретического знания совершенно невозможно шагнуть на следующие, более высокие ступени, невозможно дать верный анализ конкретной ситуации. Вот почему нельзя без Плеханова стать настоящим марксистом, сознательным творцом нового общества.

Но известно также, что «значение общего противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно etc.» (Ленин), вот почему нельзя застревать на этой ступени «общего». На ней нельзя задерживаться — такая задержка ведет к омертвлению мысли. Живой водой для этого абстрактного общего является движение к конкретному, переход на следующие, дальнейшие ступени. Плеханов недооценил трудности и своеобразие этого перехода.

Он считал, что ответы на конкретные вопросы можно найти в простом логическом развитии общей истины; он упустил из виду то обстоятельство, что всякая общая истина — только плацдарм, с которого начинается теоретический штурм конкретных проблем, и что решение задач и проблем, с которыми сталкивается исследователь во время этого штурма, — дело не механическое, не прикладное, не predeterminedное «общей истиной», а дело, по сложности не уступающее открытию самих исходных «общих истин», дело, требующее самостоятельного, специфического исследования, при котором «общие истины» служат лишь ариадниной нитью движения, дело достижения новой, более конкретной истины, которая, в свою очередь, будет служить новым плацдармом для дальнейшего восхождения.

Глубоко и тонко усвоить существо исходных, фундаментальных истин, сформулированных гениями политико-философской, социально-преобразовательной мысли, пропустить их через свое «я», слиться с ними, сделав их формой своего видения и осмысления мира, и на этой основе двигаться дальше, решая новые, все усложняющиеся задачи социального бытия людей, одновременно укрепляя и расширяя исходный теоретический фундамент, готовя тем самым новые стартовые площадки для новых взлетов человеческой мысли, — в этом, на мой взгляд, и состоит главный урок, который вытекает из всей теоретической и практической деятельности Плеханова.